

Кринж как проблема

АРТЕМ РАДЕЕВ

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
Россия, a.radeev@spbu.ru.

Ключевые слова: кринж; реакция; интерпассивность; Славой Жижек; Роберт Пфаллер; обостренная чувствительность.

В статье предлагается философское рассмотрение феномена кринжа. Утверждается, что концепт кринжа нуждается в более пристальном исследовательском внимании. В качестве рассматриваемых тем выдвигается, во-первых, проблема оценочного суждения как реакции, замещающей собой действие. Используя интерпретацию активного и реактивного Жилем Делёзом, автор утверждает, что кринж существует как форма реактивного, подменяющего собой действие. Во-вторых, рассматривается проблема интерреакции. На основе концепции интерпассивности Роберта Пфаллера и Славоя Жижека дела-

ется вывод о существовании сходного феномена — интерреактивности, и показывается его несводимость к интерпассивности. Автор предлагает рассматривать кринж как форму, приближающуюся к интерреактивности, но все же не сводимую к ней. В-третьих, рассматривается проблема интенсивности кринжа и его отношение к гаптическому опыту. На основании предложенных проблем автор делает два вывода, первый из которых фиксирует кринж как частный случай более общего явления, называемого гиперэстезией. Второй вывод говорит о значении концепта кринжа для расширения понимания чувственности.

Кринж — от термина к проблеме

МОЖЕТ показаться, что кринж — частное языковое явление, что этот термин обитает исключительно в современном молодежном сленге, что это довольно простое оценочное понятие, семантика которого располагается между «позорным», «странным» и «испаностыдским»¹. Кринжем называют, например, песню, если она исполнена плохо или форма и ее содержание представляются примитивными. Кринжем может оказаться неуместное использования слова «кринж».

В истории языка, в истории культуры часто возникают какие-то термины, на определенное время несущие устойчивый смысл, но со временем этот смысл теряющие в силу замены другими терминами, более точными, более острыми или более проблемными. Поэтому, как кажется, через какое-то время сленговое словечко «кринж» уйдет в прошлое, останется в некоторых словарях своего времени и в комментариях для непонимающего читателя.

Может ли феномен кринжа удержать внимание на больший срок для более внимательного изучения? Если да, то при условии проверки на плотность самого концепта кринжа.

Концепт формируется на стыке проблем. Но это формирование может быть слабым (в силу внутренней или внешней слабости самих проблем), за счет чего концепт приобретает рыхлую консистенцию. Такие концепты неустойчивы, они меняют свою природу под воздействием различных сил, их легко заменить на другие, более плотные концепты. В свою очередь, плотный концепт удерживает собою слои проблем, на стыке которых он сформировался. За счет своей плотности он остается неизменным при различных силах, воздействующих на него. В какой-то мере концепт безразличен к его именованию, он слабо связан с этимологией, спосо-

1. См.: *Кортунов В. В., Саенко Н. Р.* Новые модусы эмоций в современной культуре // *Russian Studies in Culture and Society*. 2022. Vol. 6. № 3. P. 53–67; *Бовшик А. С., Гайворонская С. О.* Кринж по-русски: англицизмы в ментальном лексиконе билингвов // *Язык и текст*. 2022. Т. 9. № 2. С. 90–99.

бами его употребления, ибо его устойчивость обеспечивается силой самих проблем.

Поэтому, если допустить, что за словечком «кринж» скрывается плотный концепт, если допустить, что кринж имеет право на более внимательное отношение к нему, то следует прежде всего обратить внимание на слои проблем, на стыке которых образуется как сам кринж, так и внимание к нему.

Кринж как проблема

Существует множество интересных проблем, на стыке которых рождается феномен кринжа. Так, важной проблемой кринжа является маркировка с точки зрения социальной иерархии. Как отмечает Тариши Верма, «кринж» и близкие к нему концепты «описывают то, как доминирующий культурный класс хочет определить, что является приемлемым»². Феномен кринжа тем самым вписывается в проблему настойчивости социальных иерархий, их транслируемость посредством оценочных суждений.

Напротив, Патрик Вёрле рассматривает кринж через проблему телесного, свободного от социального аспекта:

Кринж относится только к неспецифическому телесному дискомфорту и остается открытым для различных способов интерпретации. В отличие от него немецкое *Fremdscham* и «испанский стыд» уже содержат социальные атрибуции, которые предвосхищают (предполагаемый) исток и ответственность за этот дискомфорт³.

Кринж в данном случае подразумевает проблему существования телесного опыта, свободного от стыда как индивидуального и изолированного чувства и смущения как социального чувства.

Кринж — это продукт более общего явления: феномена неловкости в современной культуре, отмечают в своих работах Адам Коцко и Джейсон Миддлтон. Это настойчивое присутствие неловкости позволяет Миддлтону говорить о «неловком повороте» в современных медиа, частным случаем которого являются

2. Verma T. Cultural Cringe: How Caste and Class Affect the Idea of Culture in Social Media // *Feminist Media Studies*. 2021. Vol. 21. № 1. P. 160.

3. Wöhrle P. Two Shades of Cringe: Problems in Attributing Painful Laughter // *Humanities*. 2021. Vol. 10. № 3. P. 2.

кринж-комедии, дестабилизирующие привычные формы зрительского восприятия⁴.

Интересную проблему функционирования «кринжа» в медиапространстве фиксируют Екатерина Кондратенко и Наталья Королева, отмечая, что

... неологизм «кринж» выполняет функцию подготовки читателя к прочтению новости, содержащей какую-то неловкую ситуацию, противоречащую здравому смыслу⁵.

Тем самым они подчеркивают, что кринж подразумевает искренность или самоочевидность, с позиции которого выносятся сама оценка. Это ставит проблему о так называемой новой искренности в современной культуре и месте кринжа в ней.

Хотелось бы обратить внимание на три другие проблемы.

Во-первых, кринж — это оценочное понятие, мы выражаем именно оценочное отношение к фильму, когда говорим о его кринжовости. Мы имеем в виду именно негативную оценку, когда называем выступление нашего знакомого на мероприятии кринжем.

Однако проблема, стоящая за оценкой как традиционной формой отношения, состоит в том, что кринж становится слишком повсеместным — слишком многое вызывает такую оценку, слишком многое вокруг нас становится кринжовым. Распространенность эта, по-видимому, связана с механизмом замещения оценки действием. Объяснить этот механизм возможно, если вспомнить его описание в «Генеалогии морали» Фридриха Ницше и интерпретации этого описания Жилем Делёзом. Ницше заметил, что противостояние «морали рабов» и «морали господ» имеет неравную направленность с двух сторон: если смысл второй — действовать, невзирая ни на какие различия между первой «моралью» и второй, то смысл первой — действовать для удержания этого различия — с тем, чтобы в конечном счете заместить собою «мораль господ»: если вторая — действует, то первая — реагирует на действие. Схожий механизм можно найти в паре «дио-

4. См.: Middleton J. Documentary's Awkward Turn. Cringe Comedy and Media Spectatorship. N.Y.: Routledge, 2014; Kotsko A. Awkwardness. An Essay. Winchester: O-books, 2010.

5. Кондратенко Е. Н., Королева Н. М. Особенности функционирования неологизмов в виртуальном дискурсе (на материале пабλικов телеграм) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 1 (48). С. 162–163.

нисическое — аполлоническое». Делёз в своей интерпретации предложил понимать действие дионисического и «морали господ» — активными силами, а действия аполлонического и «морали рабов» — силами реактивными:

Способность преображаться, дионисическая мощь есть первое определение активности. Но всякий раз, когда мы таким образом отмечаем благородство действия и его превосходство над реакцией, нам нельзя забывать: как и действие, реакция обозначает определенный тип сил. Просто реакции не могут быть ни уловлены, ни научно познаны как силы, если мы не соотнесем их с высшими силами совершенно иного типа. Реактивность есть изначальное качество силы, однако его невозможно интерпретировать в качестве такового иначе, чем через отношение к активному, исходя из активного⁶.

Иначе говоря, существует две силы производства — активная сила в форме действия и реактивная сила в форме реакции на действие, такой реакции, которая замещает собою действие.

В этом свете кажется более проблематичным феномен кринжа. Представляется очевидным, что кринж — это не просто сленговое оценочное понятие наряду с другими. Слишком многое происходит вокруг, что вызывает оценку, но без действия, слишком часто можно наблюдать, как кто-то предпочитает оценивать, а не действовать. Сам факт существования кринжа говорит о том, что мы проживаем время реактивности: субъект предпочитает скорее реагировать, чем действовать. Проблема, которая формирует кринж, — это проблема повсеместности реакции и повсеместности подмены действием реакции.

Во-вторых, кринж подразумевает оценку за действия другого, и поэтому неслучайно его зачастую связывают именно с «испанским стыдом»⁷. Проблема, обнаруживаемая за таким типом оценки, состоит в том, что мы не просто оцениваем действия другого, а переносим то чувство, которое должен был бы испытать от негативной оценки другой, на себя.

Понять этот механизм переноса можно, если обратить внимание на феномен интерпассивности, объясненный Робертом Пфаллером и популяризированный Славоем Жижекком. Пфаллер показывает, что формам активности и интерактивности, повсеместно

6. Делёз Ж. Ницше и философия / Пер. с фр. О. Хомы, под ред. Б. Скуратова. М.: Ad Marginem, 2003. С. 108.

7. Кондратенко Е., Королева Н. Указ. соч. С. 63.

представленным в современной культуре, сопутствует их теневой двойник — интерпассивность как перенос собственной пассивности на другого. Пфаллер и Жижек находят следы интерпассивности в самых разных феноменах современности: в вере (при которой субъект не столько верит во что-то, сколько верит, что есть те, кто верят вместо него); в современных практиках удовольствия (закадровый смех); в рекламе (оценочные надписи: «Ого, вот это вкус!» на упаковке «Кока-колы», когда за субъекта уже вынесли оценку этого напитка). Интерпассивность находится ими в фигуре Христа (тот, кто за других принял их страдания) или в героях Достоевского⁸.

Жижек на обложке переиздания книги Пфаллера отмечает:

В социальной мысли редко появляются новые концепты, и интерпассивность, пожалуй, единственно подлинный концепт, появившийся за последние два десятилетия. Идея о том, что другие могут не только действовать за нас, но и быть пассивными для нас, что мы можем радоваться, верить, смеяться и плакать через других, дает ключ к пониманию парадоксов нашей цинично-гедонистической эпохи. Так что не будем ходить вокруг да около: «Интерпассивность» — это просто один из величайших основополагающих текстов социальной мысли, наравне с такими классиками, как Макс Вебер⁹.

При всей важности феномена интерпассивности все же нельзя не заметить его недостаток: слишком многое подводится под этот феномен, что следует учесть как более тонкое понимание переноса. Как уже показали Ницше и Делёз в изложенном выше фрагменте, активному следует противопоставлять не только пассивное (как у Пфаллера — Жижека: интерактивность и ее двойник в виде интерпассивности), но и реактивное. Это означает, что наравне с переносом веры или удовольствия на другого (как форм пассивности) следует выделить перенос оценки за другого и реакцию на эту оценку (как формы реактивности), что этот перенос оценки — это не столько делегирование другому своей пассивности, сколько делегирование ему своей реакции, и что наравне с интерпассивностью следует выделить интерреактивность. Последнее — более сложный феномен. Ибо если реакция

8. См.: *Pfaller R. Interpassivity. The Aesthetics of Delegated Enjoyment*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017; *Жижек С. Чума фантазий*. Харьков: Гуманитарный центр, 2012. С. 200–218.

9. *Žižek S. Back Cover // Pfaller R. Op. cit.*

подразумевает подмену действия оценкой (в случае же с интерпассивностью имеет место перенос пассивности субъекта на другого), то интерреактивность имеет место всякий раз, когда реакция производится другими из форм взаимодействия с иными реакциями. В случае с интерреактивностью субъект не просто оценивает (этически или эстетически) действия или феномены, сама его оценка переносится на другого, является подменой собственной оценки оценкой другого, это своеобразная подмена подмены оценкой действия. Так, в случае с эстетической интерреактивностью имеет место не просто подмена переживания музыкального произведения его оценкой, а подмена этой оценки оценкой другими. Например, в высказывании типа «Эта музыка восхитительна, потому что она восхищает мою любимую» имеет место типичная эстетическая интерреактивность. Или в уже упоминаемом примере Жижека (упаковка на «Кока-коле» «Ого, вот это вкус!») имеет место эстетическая интерреактивность: субъекта лишают в данном случае не только активного переживания вкуса от напитка, но и реакции на напиток — и переживание напитка, и оценка его становятся подмененными и вторичными по отношению к интерреактивности надписи. Точно таким же образом действует и этическая интерреактивность, классическим примером чего могут служить недовольства на страницах социальных сетей. Когда пользователь социальной сети наблюдает что-то этически неприемлемое, то зачастую вместо того, чтобы действовать — он предпочитает реагировать, но сама эта реакция приобретает черты интерреактивности, когда серию возмущений он располагает на своей странице в виде своих реакций или репостов чужих возмущений — так, что этическую оценку производит уже не он сам, а его страница вместо него. Как правило, со временем формы интерреактивности приобретают более скрытый характер, не теряя при этом своей интерреактивной сущности.

Но было бы ошибкой сказать, что кринж интерреактивен — он, скорее, располагается где-то между реактивностью и интерреактивностью. В самом деле при кринже нет переноса оценки на другого, и в этом смысле кринж образцово реактивен. В то же время оценка чего-либо в качестве кринжа подразумевает, что именно за другого выносятся оценка действий другого, что другой в силу каких-либо причин не выносит оценку своим действиям, и это за другого выполняет субъект кринжа. Таким образом, кринж является чем-то большим, чем реакция, но он и не сводится к формам интерреактивности, есть

что-то в кринже, что удерживает его в этом междумирии реакции и интерреакции.

Другой проблемой, которая формирует кринж, является существование особого измерения между реакцией и интерреакцией, существование не только типов активности, пассивности, реактивности и их интерформ, но и других, более тонких типов, располагающихся между ними. Кринж — лишь одно из таких явлений, и, возможно, существуют и другие переходные феномены.

Наконец, *в-третьих*, кринж подразумевает определенное неравнодушие к самому вынесению оценки. Когда что-либо оценивается как кринжовое, то этой оценке сопутствует ее интенсивность. Если взять приведенный выше пример, то при оценке песни как кринжовой имеется не просто констатация того, что песня исполнена плохо, но и нечто большее — что это было настолько плохое исполнение, что сильно задело оценивающего. Именно момент задетости представляется важным в кринже. Этот аспект подчеркивает и этимология понятия «кринж», согласно которой кринж связан с таким феноменом, как «то, что заставляет корчиться, повернуться». Иначе говоря, кринж подразумевает то, что сильно воздействует, то, что интенсивно переживается, то, что задевает целиком. Наиболее близкими по интенсивности переживания для кринжа являются метафоры осязания: кринж задевает, кринж трогает, кринж касается, кринж цепляет, кринж щиплет, царапает или колет.

Эта гаптическая составляющая кринжа, возможно, позволяет понять то промежуточное его положение между реактивностью и интерреактивностью, о котором речь шла выше. Кринж потому и не сводится к одной или другой форме, что сама эта реакция переживается слишком интенсивно, кринж слишком задевает, чтобы оставаться простой формой реакции или интерреакции.

Итак, существует как минимум три проблемы, на стыке которых удерживается плотность кринжа как концепта: реактивность кринжа, его интерреактивность и его гаптичность. Несложно заметить, что все эти проблемы связаны между собой: реактивность кринжа является условием его интерреактивности, а гаптичность кринжа позволяет ему расположиться между тем и другим.

Эта связанность проблем в феномене кринжа позволяет понять такую его важную черту, как авторефлексивность: кринж — это форма реакции, которая удерживает свою ин-

тенсивность во внимании, это оценка, для которой сам опыт оценивания является чем-то важным. Именно поэтому можно наблюдать такие парадоксальные формы кринжа, как кринж кринжа: сам кринж легко может стать кринжовым, легко может стать, что кринжово что-либо называть кринжем. И природа этого парадокса кроется в причудливом сцеплении указанных проблем.

Однако было бы ошибкой допустить, что кринж — это единственно возможное концептуальное образование, формирующееся на стыке данных проблем. Кажется естественным допустить, что существуют и иные, близкие по смыслу с кринжем концепты, что они могут быть, например, противоположными кринжу или быть более общими ему, но основание существования которых также связано с указанными проблемами.

О феномене гиперэстезии

Представляется правдоподобным, что кринж потому и активно заявляет себя, что он — лишь частный случай более общего феномена, который репрезентирует собою какую-то важную черту современности. Эту черту можно обозначить как *обостренная чувствительность*. Этой чувствительности свойственна, во-первых, интенсификация в форме того, что слишком многое стало задевать, возмущать (со знаком минус), или же трогать (со знаком плюс), или же ко всему многие стали иметь касательство, это противоположность нищевскому «там, где нельзя больше любить, там нужно пройти мимо!»¹⁰. Именно непрохождение мимо, касательство всего, недистанцированность по отношению ко всему, что могло бы быть упущено, иначе говоря — настойчивость интенсификации отношения, является важной чертой этой обостренной чувствительности. В то же время, во-вторых, эта интенсификация выражается, как правило, в формах оценки происходящего, в мгновенных «плакать, смеяться» вместо «понимать». Какой бы предмет ни попадал в поле зрения этой обостренной чувствительности — для нее он существует как предмет для оценочного отношения. Наконец, в-третьих, существует множество форм, позволяющих выражать эту мгновенность оценки и в каком-то смысле перенимающих на себя эту функцию, — медийные устройства не только позволяют разнообра-

10. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 128.

зять оценку, но и расширяют свое действие именно за счет калькуляции оценки. «Я не буду уделять внимания ничему, под чем стоят лайки», — говорит Чак Роудс, герой сериала «Миллиарды», подчеркивая, что лайканность является необходимым аспектом существования феномена. Но проблема не в том, что существуют разнообразные формы реакции, а том, что именно реакции — калькулируемые и производимые — становятся определяющими при восприятии феномена. Это не интерреактивность, но все же нечто близкое к ней, ибо собственная реакция оказывается все больше и больше вторичной и производной от сети реакций, произведенных другими.

Итого, обостренная чувствительность — это форма реактивности, продукт реакции (как подмены действия), вне понятия реакции чувствительность и ее обостренность непредставимы. И точно так же непредставима обостренная чувствительность в современной форме — все ее движения в сторону интерреактивности, вне гиперболизации реактивности и зависимости ее от сети произведенных реакций. Наконец, непредставима обостренная чувствительность и без интенсивности, непрохождении мимо, задежности или трогательности.

Нетрудно заметить, что эта обостренная чувствительность коррелирует с проблемами, образующими кринж, что последнее — лишь частный аспект этого феномена, что, возможно, существуют и другие концептуальные образования, образованные на стыке указанных выше проблем.

В неврологии существует понятие гиперестезии, означающее повышенную чувствительность нервов по отношению к внешним раздражителям (например, гиперестезия зубов). По аналогии с этим возможно обозначить то большее, частным аспектом которого является кринж, как гиперэстезию, понимая под последней обостренную чувствительность в опыте. Выше мы говорили, главным образом, об этой гиперэстезии в области эстетического опыта, в области кринжа как формы эстетической оценки. Но существуют и другие формы опыта — например, опыт познавательный или опыт религиозный. Какое место в них занимает гиперэстезия и имеет ли она место в них — этот вопрос пока остается открытым.

Выводы

Кринж имеет смысл анализировать не только с точки зрения его словоупотребления. На кринж имеет смысл обращать внимание

не только для раскрытия «еще одного маленького оттенка» смысла слова. Ибо суть состоит не в существовании слова, а в проблемах, позволяющих этому слову как концепту удерживать свою консистентность.

Очевидно, что кринж соотносится с какими-то важными чертами современности. Также очевидно, что сам концепт кринжа интересен с точки зрения его устойчивости. Трудно сказать, насколько плотным окажется концепт кринжа. На данный момент кажется, что судьба этого концепта задевает важные черты не только современности, но и самой субъективности, ибо кринж — это не про обстоятельства, это про особую форму субъективности, располагающейся вдоль типов активности, пассивности, реактивности и их интерформ. Кринж продолжит свое бодрое шествие по территории чувствительности — до тех пор, пока она будет обострена, и затупление чувствительности кажется естественным концом кринжа. В этой связи будет интересно проследить, останется ли феномен кринжа неизменным или же он приобретет новые формы, мимикрируя под новые концептуальные образования. Как бы то ни было, внимание к кринжу расширяет представление о чувственности (и обостренной чувствительности как ее частном случае) и позволяет более точно определять различные ее формы. И если прав Спиноза, что мы еще до сих пор не знаем, на что способно наше тело, то тем более мы многого еще не знаем из того, на что способна наша чувственность.

Библиография

- Бовшик А. С., Гайворонская С. О. Кринж по-русски: англицизмы в ментальном лексиконе билингвов // *Язык и текст*. 2022. Т. 9. № 2. С. 90–99.
- Делёз Ж. Ницше и философия / Пер. с фр. О. Хомы под ред. Б. Скуратова. М.: Ad Marginem, 2003. С. 108.
- Жижек С. Чума фантазий. Харьков: Гуманитарный центр, 2012.
- Кондратенко Е. Н., Королева Н. М. Особенности функционирования неологизмов в виртуальном дискурсе (на материале пабликов телеграм) // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2023. № 1 (48). С. 162–163.
- Кортунов В. В., Саенко Н. Р. Новые модусы эмоций в современной культуре // *Russian Studies in Culture and Society*. 2022. Vol. 6. № 3. P. 53–67.
- Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2.
- Kotsko A. Awkwardness. An Essay. Winchester: O-books, 2010.
- Middleton J. Documentary's Awkward Turn. Cringe Comedy and Media Spectatorship. N.Y.: Routledge, 2014.

- Pfaller R. *Interpassivity. The Aesthetics of Delegated Enjoyment*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017.
- Verma T. *Cultural Cringe: How Caste and Class Affect the Idea of Culture in Social Media* // *Feminist Media Studies*. 2021. Vol. 21. № 1. P. 159–161.
- Wöhrl P. *Two Shades of Cringe: Problems in Attributing Painful Laughter* // *Humanities*. 2021. Vol. 10. № 3. P. 2–12.
- Žižek S. *Back Cover* // Pfaller R. *Interpassivity. The Aesthetics of Delegated Enjoyment*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017.

CRINGE AS A PROBLEM

ARTEM RADEEV. Saint Petersburg State University (SPbU), Russia,
a.radeev@spbu.ru.

Keywords: cringe; reaction; interpassivity; Slavoj Žižek; Robert Pfaller; hypersensitivity.

The article offers a philosophical reflection on the phenomenon of cringe. It is argued that the concept of cringe has the right to a closer attitude to it, especially if you pay attention to the layers of problems at the junction of which both the cringe itself and interest in it are formed. These problems include, first, the problem of evaluative judgment as a reaction that substitutes for action. Using Deleuzian ideas of the active and the reactive forces, the author argues that cringe exists as a form of the reactive, substituting for action. Second, the problem of interreaction is considered. Based on Robert Pfaller's and Slavoj Žižek's concept of interpassivity, the conclusion is made that a similar phenomenon, interreactivity, exists, and its irreducibility to interpassivity is shown. The author proposes to consider cringe as a form close to interreactivity, but still not reducible to it. Third, the problem of cringe intensity and its relation to haptic experience is considered. Based on the proposed problems, the author draws two conclusions, the first of which fixes cringe as a special case of a more general phenomenon called hyperesthesia. The second conclusion speaks about the significance of the cringe concept for expanding the understanding of sensuality.

DOI: 10.17323/0869-5377-2023-5-141-152

References

- Bovshik A. S., Gaivoronskaya S. O. Krinzh po-russki: anglitsizmy v mental'nom leksikone bilingvov [Runglish in Action: Anglicisms in the Bilingual Mental Lexicon]. *Iazyk i tekst* [Language and Text], 2022, vol. 9, no. 2, pp. 90–99.
- Deleuze G. *Nitsshe i filozofia* [Nietzsche et la philosophie], Moscow, Ad Marginem, 2003, pp. 108.
- Kondratenko E. N., Koroleva N. M. Osobennosti funktsionirovaniia neologizmov v virtual'nom diskurse (na materiale pablikov telegram) [Specifics of Functioning of Neologisms in Virtual Discourse (on the Material of Telegram Publics)]. *Teoriia iazyka i mezhkul'turnaia komunikatsiia* [Theory of Language and Intercultural Communication], 2023, no. 1 (48), pp. 162–163.
- Kortunov V. V., Saenko N. R. Novye modusy emotsii v sovremennoi kul'ture [New Modes of Emotions in Modern Culture]. *Russian Studies in Culture and Society*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 53–67.
- Kotsko A. *Awkwardness. An Essay*, Winchester, O-books, 2010.
- Middleton J. *Documentary's Awkward Turn. Cringe Comedy and Media Spectatorship*, New York, Routledge, 2014.
- Nietzsche F. Tak govoril Zaratustra [Also sprach Zarathustra]. *Soch.: V 2 t.* [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl', 1996, vol. 2.
- Pfaller R. *Interpassivity. The Aesthetics of Delegated Enjoyment*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2017.

- Verma T. Cultural Cringe: How Caste and Class Affect the Idea of Culture in Social Media. *Feminist Media Studies*, 2021, vol. 21, no. 1, pp. 159–161.
- Wöhrl P. Two Shades of Cringe: Problems in Attributing Painful Laughter. *Humanities*, 2021, vol. 10, no. 3, pp. 2–12.
- Žižek S. Back Cover. In: Pfaller R. *Interpassivity. The Aesthetics of Delegated Enjoyment*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2017.
- Žižek S. *Chuma fantazii* [The Plague of Fantasies], Khar'kov, Gumanitarnyi tsentr, 2012.